

рый. Кроме него, почти во всех станицах готовили к свадьбе также продловойтов лежень. В ст. Прохладной в конце XIX в. пекли также калачи — витушки и круглый калач. Кроме того, во всех станицах к свадьбе готовили небольшие булочки — казаки, без которых и сейчас не обходится ни одна казачья свадьба.

В доме невесты каравай пекли обязательно во всех станицах, в некоторых (ст. Прохладная, Приближная) его пекли также и в доме жениха. В ст. Александровской у невесты пекли каравай, а у жениха — лежень.

Каравай украшали шишками и птичками из теста, калиной, но главным его украшением была ветка или верхушка дерева. В ст. Прохладной в конце XIX в. ее называли Ныцем — так же, как на Украине, но впоследствии появилось другое название — весиля. Это тоже украинский термин, которым первоначально обозначали свадьбу. В ст. Екатериноградской и Приближной не было особого названия для свадебного дереваца. Часто его называли караваем, как и обрядовый хлеб.

В ст. Солдатской веточку, украшавшую каравай, называли сосновой, в ст. Котляревской — квяткой, в ст. Александровской — просто веткой. Веточки для каравая срезали или сламывали с разных деревьев или кустов — с акации (ст. Екатериноградская), с тополя (ст. Приближенная), с сирени (ст. Прохладная) и других. В ст. Котляревской и Александровской веточка была небольшой, разветвлялась на 3, в ст. Приближенной — на 7 или 9 веточек, в ст. Екатериноградской это была целая верхушка дерева высотой более метра. В ст. Солдатской и Екатериноградской со свадебного дерева снимали кору, обворачивали все веточки полосками теста и запекали в печи. В других станицах кору не снимали, ветки вместо теста оборачивали цветной бумагой. Свадебное деревце украшали лентами, бумажными цветами, в ст. Екатериноградской и Приближенной на веточки вешали конфеты, орешки, шишки.

Каравай украшали девушки — подруги невесты. Свою работу они сопровождали песнями. Вот что пели в ст. Александровской:

“А калина-малина На полгро-ре стояла, Да не сильно расцвела, Всего только два цвета: Аленкий да беленкий. Аленкий — Иванушка, Беленкий — Марусенька, По конец стола стояла, В руках чару держала: — Родимый мой батюшка, Изволь ча-чуру выкупать, Мои речи выслушать. Не отдавай меня, младу, Хоть годочек посижу, Алы ленты доношу”.

Обычай печь свадебный каравай и украшать деревце или ветку — характерный признак южнорусско-украинско-белорусского варианта восточнославянской свадьбы, однако известен он не только восточным, но также западным и южным славянам — полякам, словакам, болгарам. Происхождение и значение этого обычая занимало ученых еще в XIX в., однако и сейчас еще эти проблемы не решены окончательно. Название свадебного обрядового хлеба — каравай или коровой обычно производят от слова «корова». Свадебное деревце, согласно одной из первых гипотез, высказанных еще в 1885 г. Н. Ф. Сумицким, было символом жизни, выражало начало расцвет новой жизни, супружества. По его мнению, «обхождение вокруг зеленеющего дерева входило в древнеславянский свадебный ритуал, свадебное вильце служило заменой этого обычая в зимнее время». Но так давно было высказано предположение о том, что свадебное деревце является изображением «мирового дерева», которое, согласно мифологии многих народов, находится в центре мира и соединяет землю с небом и с подземным миром. Одновременно каравай мог иметь и другие, производные от этого, значения — быть предметом, приносимым в жертву богам, символом благополучия дома и т. п.

Посещение кладбища невестой-сиротой было еще одним предсвадебным обычаем. Она шла туда обычно накануне свадьбы, иногда в день свадьбы или один раз накануне, второй раз в день свадьбы, но в любом случае рано утром или даже ночью. На могиле отца или матери невесты причитала, просила у них благословения. Подруги, сопровождавшие ее, по дороге на кладбище пели. В ст. Прохладной эти и все остальные свадебные песни исполнялись на украинском языке и были очень близки к украинским песням. В других станицах пели другие песни и на русском языке. Содержание всех этих песен сводилось к тому, что невеста просила своего отца или матерь благословить ее, но они не могли этого сделать. Вот, например, песня, записанная в ст. Екатериноградской:

“Текет речка, низ колышется, С берегами не срываетяся. Там сидела красна девица. Вся Манюшка Ивановна, Жалобней того, что причитывала: - Уж ты братец мой, брат родимый

мой, Ты возьми узду все невладанную, Оседлай коня что ни лучшего, Поезджай-ка ты ко большой церкви, Ты возьми ключи позлаченные, Отомкни замки все турецкие, Приударь-ка ты во большой колокол, Не придет ли мой родный батюшка Бла-шишки, без которых и сейчас не обходится ни одна казачья свадьба.”

Очень похожие песни пели и в других станицах как на территории Кабардино-Балкарии, так и за ее пределами, например, в ст. Ищерской и Слепцовской.

Свадебная обрядность

После окончания всех предсвадебных, подготовительных обрядов начиналась собственно свадебная обрядность. Первым днем свадьбы считают день, в который произошло венчание. Иногда к свадьбе относят и предшествующий день, то есть день девичника, но это скорее исключение, чем правило. Венчались в церкви обычно в воскресенье.

Продолжительность свадьбы в дореволюционное время зависела от имущественного положения семей жениха и невесты, но, как правило, на свадьбу «гуляли» не меньше недели. Впоследствии свадебная обрядность упростилась и сократилась, но во всяком случае традиционная казачья свадьба продолжалась не менее 3 дней.

В настоящее время во всех станицах и в бывших станицах, расположенных на территории Кабардино-Балкарии, свадьбу называют свадьбой или свайбой. В конце XIX в. в ст. Прохладной была специальная женщина, которая наряжала всех невест. Подвенечному платью присыпывали магическую силу, его хранили всю жизнь. Если болел ребенок, его накрывали свадебным платьем, он должен был выздороветь. Невесте в день свадьбы заплетали одну косу, волосы впереди завивали (плоили). Сверху надевали фату и белый восковой веночек. В ходе свадьбы невеста меняла свой наряд или, по крайней мере, прическу и головной убор. В XIX в. в ст. Прохладной это происходило в доме невесты после того, как на ней приезжал жених. Прямо за свадебным столом, где невеста сидела рядом с женихом, две женщины снимали с ее головы платок, расплетали косу, заплетали две косы (прическа замужней женщины), потом на голову ей надевали шальку (похожий на чепчик) головной убор замужней женщины), сверху — белый платок. Это был один из важнейших свадебных обрядов, который должен был превратить девушку в замужнюю женщину. Только после того, как невеста была «покрыта», ее можно было вести в дом жениха. Но когда в ст. Прохладной изменилась последовательность исполнения свадебных обрядов, когда невесту из ее дома ставили увозить в церковь, а оттуда уже в дом жениха, ее нельзя было «покрыть» в ее доме — она не могла ехать к венцу с прической и головным убором замужней женщины. Поэтому этот обряд в ст. Прохладной и во всех остальных станицах на территории Кабардино-Балкарии стали совершать в доме жениха, но уже без всякой торжественности.

В ст. Прохладной в XIX в. в свадьбе принимал участие также дружай, помогавший дружку, и сватка — сестра или другая незамужняя родственница жениха. Когда перед девичником жениха вели на посад к невесте, сватка несла деревянную шашку, украшенную цветами, со свечой. Сватка — типичный персонаж украинской свадьбы. В нач. XX в. она исчезла из свадебной обрядности ст. Прохладной.

В первый день свадьбы во всех станицах совершались многочисленные и разнообразные обряды — венчание, выкуп невесты и ее приданого, осыпание молодых в доме жениха, раздел каравая, дары и т. п. Свадьбу относят к числу «переходных» обрядов. В ходе свадьбы жених и невеста переходили из группы молодежи в группу взрослых людей, состоявших в браке. Все свадебные обряды были так или иначе связаны с этим переходом.

Последовательность обрядов, совершившихся в первый день свадьбы, была разной в разных станицах. В ст. Прохладной в конце XIX в. у зажиточных казаков было принято после венчания служить молебен в доме жениха, тогда жених и невесташли туда из церкви. Однако чаще жених и невеста возвращались после венчания каждый в свой дом. Родители встречали своих детей с хлебом-солью и иконой. Жених и его бояре верхом, джигитуя по дороге, отправлялись домой к старшему боярину, потом по очереди ко всем остальным боярам. Точно так же невеста, непешком, с песнями обходила всех своих дружек, начиная со старшей. Побывав у всех бояр, жених вместе с ними возвращался к себе домой, угощал их, мате жениха дарила им платки. После этого свадебный поезд отправлялся в дом невесты, поезжали не получали там подарки от ее отца и уезжали. И только во второй раз поезд приезжал уже за невестой. Такой порядок исполнения обрядов первого дня свадьбы, когда после венчания жених и невеста возвращаются по домам и только затем жених едет за невестой, считается типологическим признаком южно-русско-украинско-белорусского подтипа восточнославянской свадьбы. Бытование его в ст. Прохладной вполне объяснимо — казаки этой станицы размешались его свита — дружко, сватка, бояре т. д. Подъехав к дому невесты, они останавливались перед закрытыми воротами, которые охраняли родственники невесты, воору-

женные палками, кольями, а иногда и ружьями. Приехавших пускали во двор только после того, как они давали выкуп — воду, если в ворогах стояли взрослые, или деньги, если ворота охраняли подростки. В ст. Котляревской бывало, что жених и его свита силой врывались во двор.

Эти обычаи нуждаются в объяснении.

Одно из возможных объяснений сводится к тому, что противопоставление партии и невесты и жениха во время свадьбы в пространственном коде реализуется в виде противопоставления своей и чужой стороны, понимаемых «мифологически» как значительно удаленные друг от друга «этот» и «тот» свет. Каждая граница между домами невесты и жениха воспринималась как граница между «своим» и «чужим», между «этим» и «тем светом». Преодоление границы было сопряжено с различными трудностями — с испытаниями, выкупами и т. п. Одной из таких границ и были ворота. Но выкуп, который давала партия жениха за то чтобы попасть во двор невесты, был только одним из множеств свадебных выкупов. Так, в ст. Прохладной в ХЦ в. во дворе брат невесты сидился на коне жениха и требовал выкуп. Последствием этого выкуп исчез, но многие другие остались.

В ст. Екатериноградской приехавших встречали песней:

“Нежданные гости. Зачем приезжали? Как бы мы вас ждали. Да ковры разостлали”.

Подобные песни исполняли и в других станицах, например, в Котляревской. Величальные и корильные песни вовремя свадьбы пели дружки и родственники невесты. В величальных песнях девушки обыгрывали жениха и невесту, шафера, других гостей и получали за это деньги. В корильных песнях гости высмеивались, чаше всего дружко и свашка. Сходные по содержанию песни пели и в других станицах. Например, в ст. Александровской:

“А сваха — чумаха, Не мыта рубаха, На свадьбу спешила, Рубаху не мыла”.

Эти песни были одним из проявлений ритуальной враждебности между стороной невесты и жениха.

Когда жених и его свита входили в дом невесты, она сидела за столом в переднем углу. С нею рядом сидел младший брат, реже — сестра невесты или несколько детей. Они были вооружены скаклами и требовали выкуп — «продавали» невесту. Девушки в ст. Екатериноградской пели:

“Не приступай, люстра, Будем с тобой драться, Будем воевать, Острица не давай”.

В этой песне, как ни в одной другой, выражено противопоставление партий невесты в женихе: Люстра, по словам жителей ст. Екатериноградской, — «вроде бабы-яги» или колдуны. Различные варианты этой песни были распространены на Северном Кавказе (ст. Наурская, Ищерская, Слепцовская), на Дону, на Украине. Но всюду, вроде Екатериноградской, первая строка этой песни звала иначе: «Не приступай, Лита...»

Это было, очевидно, первоначальный вариант песни, и только впоследствии жители Екатериноградской заменили вражеское войско сверхъестественным существом. Но неизменным осталось враждебное отношение к партии жениха, выраженное в этой песне. Пока дружко торговался с братом невесты, девушки в ст. Екатериноградской пели:

“Си, братец, братец боярин Продал сестрицу задаром, Не взял за нее сто рублей, За русу косу — тысячу; За ум, за разум — счита нет”.

И в ст. Прохладной и в других станицах на территории Кабардино-Балкарии пели в этом случае очень похожие песни, разве что брата невесты в них называли не боярином, а татарином. Во всех станицах брат «продавал» невесту, точнее, свое место рядом с нею, жених с помощью выкупа преодолевал еще одну границу, отделявшую его от невесты. После этого начинался свадебный обед, потом невесту увозили в церковь или к жениху (ст. Прохладная, конец XIX в.). Еще до отъезда свадебного поезда, в ст. Прохладной «дружки» выходили из дома невесты и во дворе пели о том, что она

их выгнала:

“Брала Параска лен, лен, Вигоняля дружечок вон, вон. Нацо було и брати, Коли вигоныти-й”.

После венчания подруги не сопровождали невесту в дом жениха, а возвращались к ее родителям. Если в ст. Прохладной дружки покидали невесту после того, как ей покры-

вали голову, то есть превращали из девушки в молодицу, то в ст. Екатериноградской — после венчания, которому придавалось, очевидно, такое же значение. Впоследствии в этих и в других станицах на территории Кабардино-Балкарии дружки стали провожать невесту в дом жениха, но оттуда они, как правило, вскоре уходили. Если не считать старшей дружки и шафера, на свадьбе оставались только взрослые женатые мужчины и замужние женщины. Это показывало, что жених и невеста из группы молодежи переходили в группу взрослых, состоящих в браке людей.

Когда невеста выезжала или выходила со своего двора, ее провожали песней. Один из вариантов этой песни записан в ст. Приближенной.

“Съезжала Машенька со двора, Ой, сломила да березоньку со верха, Ой расти, расти, березонька, без верха, живи, живи, родный батюшка, без меня да без девичьей красоты. Остаются мои цветтики у тебя. А кто будет мои цветтики поливать. Утреннею да вечернею зарю, Ой, с колодезя да холодной водой. Отозвалась да родимая маменька: Ой, буду, буду, твои цветтики поливать. Утреннею да вечернею зарю, Ой, кипучью да горючую слезо.”

Эту песню с небольшими изменениями пели при отъезде невесты едва ли не во всех станицах на территории Кабардино-Балкарии. Свадебный поезд сопровождался песнями на протяжении всего пути в церковь и из церкви в дом жениха.

После того как невесту увозили в церковь или в дом жениха, за ее приданым приезжали женщины — родственницы жениха. Приданое обычно состояло из сундука с одеждой и узла с постелью. Мебель в приданое давали очень редко. На сундуке сидел маленький брат или сестра невесты со скаклой в руках и «продавал» приданое. Женщины давали выкупи увозили приданое к жениху.

В ст. Прохладной в конце XIX в. свадебный поезд въезжал во двор жениха «через костер, разложенный, нарочно для этого случая, в воротах». В ст. Котляревской и Александровской тоже разжигали в воротах костер, по словам местных жителей, «от колдовства». В дверях дома молодых встречали родители жениха с хлебом-солью, с иконой, благословляли. Тут же невесту и жениха осыпали хмелем, деньгами, орехами, конфетами. В ст. Прохладной это делала мать жениха, в ст. Екатериноградской — тетка, кума или другая родственница жениха. Осыпание было одним из обязательных обрядов восточнославянской (и не только восточнославянской) свадьбы. К XIX в., когда первоначальное значение этого обычая было, возможно, уже забыто, «осыпая молодых хлебными зернами, хмелем или орехами, имеют в виду сделать их: 1) богатыми, здоровыми и веселыми; 2) предохранить от порчи или 3) сделать их способными к деторождению...»

Так или иначе, но осыпание молодых совершаются и в современных казачьих свадьбах, хотя о причине исполнения этого обряда информаторы уже не могут ничего сказать.

В ст. Прохладной в конце XIX в. ст. Прохладной в день свадьбы получали гостя — угощение без запрета и все непрошеные гости, которым среди дворов ставят на столе водку и закуску. В то же время приглашенные гости во всех станицах во время свадьбы находились в доме, где совершились основные свадебные обряды и где им подавали свадебный обед.

Вскоре после даров молодых укладывали спать. Как правило, первую ночь или несколько ночных они проводили в нежилом помещении — в сарае, амбаре и т. п. Только в ст. Екатериноградской они ночевали в отдельной комнате. Но в начале XX в. в Екатериноградской новобрачные укладывали в первый раз (еще во время ужина) в нежилом, неотапливаемом покое, как бы холодно в нем не было. В других станицах этот обычай сохранялся очень долго. Кровать для молодых иногда устанавливали в амбаре, прямо над закромами с зерном. Бывало, что шафер или свашка пытались спрятаться в этом сарае и провести там ночь.

Обычай проводить брачную ночь в нежилом, неотапливаемом помещении существовал у всех восточных славян и появился, очевидно, в глубокой древности.

Второй день свадьбы начался с того, что рано утром дружко и свашка поднимали жениха и невесту. Когда-то свашка осматривали руку невесты, на которой краска оставалась синевы, и чешуя. Краска и чешуя син